

КРИМИНОЛОГИЯ

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»;*

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ДРОЖЖА,

адъюнкт ФГКУ «ВНИИ МВД России»

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ УБИЙСТВ ДЕТЕЙ

Посвящена проблеме убийств малолетних детей; истории развития ответственности за лишение их жизни, особенно в связи с религиозными ритуалами; состоянию, динамике и структуре таких преступлений; личности детоубийц и некоторым мотивам их преступного поведения.

Ключевые слова: малолетний, принесение в жертву, ребенок как объект преступного посягательства, личность убийцы ребенка.

National Research Institute; e-mail: vnii59@yandex.ru, tel.: (495) 697-46-89;

Y.S. Drozhzha, post graduate Russia MI FPOI National Research Institute; e-mail: vnii59@yandex.ru, tel.: 8 (499) 230-13-19.

General view of the problem of child homicide.

The article is devoted to the age of young children, the history of the responsibility for the loss of their lives, especially in connection with religious rituals, status, structure and dynamics of such crimes, the individual child-killers and some of the motives of their criminal behavior.

Key words: juvenile, the sacrifice, the child as an object of a criminal assault, identity of the killer child.

За последние 10 лет убийства детей в России стали достаточно распространенным явлением, в силу чего они должны послужить объектом специального криминологического внимания.

Прежде всего определим, кого следует считать детьми, тем более, что ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за убийство малолетнего, не устанавливает границ этого понятия, хотя и использует его. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» разъяснение данного термина также отсутствует. На практике судьи по делам данной категории при определении малолетнего возраста обращаются к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», где малолетним признается ребенок, не достигший 14 лет¹. Также и в научных работах отмечается, что малолетним в уголовном праве признается лицо, не достигшее 14 лет².

С недостижением лицом этого возраста связывается понятие «малолетние» гражданское законодательство. Статья 28 Гражданского кодекса

РФ именуется «Дееспособность малолетних». В ч. 1 данной статьи говорится: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки... могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны». Таким образом, содержание приведенного положения свидетельствует о тождественности понятий «малолетний» и «несовершеннолетний, не достигший четырнадцати лет» в гражданском праве. В силу правовой традиции и с учетом прежнего законодательства малолетним мы предлагаем считать лицо, не достигшее 14-летнего возраста. Статья 28 ГК РФ уточняет, что малолетними являются те, кому еще не исполнилось 14 лет.

Посягательство на лицо моложе 14 лет опасно прежде всего потому, что человек в таком возрасте беспомощен. По своим физическим, психическим и интеллектуальным возможностям он не может оказать сопротивление или защитить себя. Уголовная ответственность в России также наступает с этого возраста.

В настоящем исследовании изучению не

подвергались убийства новорожденных детей, в том числе убитых своими матерями. Общепринятой является точка зрения, согласно которой период новорожденности - это время с рождения и до того момента, пока организм ребенка не адаптируется к обычным условиям внешней среды³. В педиатрии новорожденным считается ребенок в возрасте до четырех недель.

Детей убивали всегда - как самых незащищенных, не способных оказать сопротивления ни физического, ни психического, так и вполне защищенных родителями - в качестве жертв богам. Такое обращение с детьми вплоть до их убийства можно с полным основанием назвать самым жестоким деянием не только потому, что они совсем беззащитны и целиком находятся во власти взрослых, но и потому, что такие посягательства на них противоречат смыслу человеческого существования. Если люди будут жестоко относиться к детям и даже убивать их, то общество рискует погубить собственное будущее. То, что такое отношение к детям безнравственно, мы полагаем, не требует никаких пояснений. Но следует сказать, что насилие может приводить и к формированию криминогенной личности: если к ней в детстве проявлялась жестокость, она затем, повзрослев, может срывать накопившиеся злобу и обиды на других детях и даже убивать их. К сожалению, семейное насилие становится нормой отношений между родителями и детьми. Насилие над детьми есть не что иное, как отвержение их в явной и грубой форме. Повзрослев, многие из таких детей сами начинают совершать преступления по отношению к своим детям, при этом объясняя причину своих действий истязаниями и побоями, перенесенными ими в семье⁴.

Первое достаточно полное социологическое и сравнительно-юридическое исследование было осуществлено М.Н. Гернетом в труде «Детоубийство» в 1911 г.⁵ В историческом очерке он пишет, что под именем детоубийства большинству современных законодательств известно убийство матерью внебрачного новорожденного ребенка при наличии указанных в законах мотивов деяния. Он отмечает, что это определение не исчерпывает понятия детоубийства по всем законодательствам, которые допускают в качестве субъекта преступления, кроме матери, и других лиц, ничего не говорят о мотивах и наказывают также убийство и новорожденного законного ребенка. В истории этого преступления автор указывает на различный объем: убийство внебрачного новорожденного то сливалось с понятием убийства законных сына и дочери (родственное убийство), то выделялось как требующее усиленного наказания (квалифицированное преступле-

ние) или, наоборот, более мягкого (привилегированное преступление). Убийство ребенка, пишет Гернет, заносится в число преступных деяний против жизни.

Оно распространено у народов, стоящих на низших ступенях культуры, и не вызывает ни нравственного, ни юридического осуждения. В своей работе он разделяет жертв-детей на тех, которые были рождены в законном браке, и незаконнорожденных. Так, за убийство последних виновник зачастую не подлежал уголовной ответственности. Древние египтяне полагали, что родители, давшие детям жизнь, не должны подлежать наказанию за убийство, если сами лишали их жизни. Прежде чем умерщвление детей было подведено под понятие убийства, к родителям применялась лишь одна мера - в таких случаях они должны были в продолжении трех суток оставаться связанными с трупом убитого ими ребенка⁶.

Среди древних диких арабов, китайцев было распространено убийство новорожденных девочек, что объяснялось в основном трудностями, связанными с их кормлением, воспитанием, низкой в дальнейшем по сравнению с людьми мужского пола работоспособностью. В древнем Риме ответственность за убийство детей родителями была поставлена в зависимость от некоторых условий. Требовалось, чтобы возраст ребенка не был ниже трех лет и чтобы его болезненность или слабость были подтверждены пятью соседями. На маленьких островах Океании убивать третьего и четвертого ребенка предписывалось моралью, и в некоторых местах там убийство детей совершалось особыми профессионалами, предлагавшими матерям свои услуги.

Таким образом, убийство детей в примитивном обществе было совершенно обычным явлением, не вызывавшим к себе никакого отвращения: родителям принадлежала неограниченная власть над детьми; они могли их убить, продать, выдавать замуж без их согласия. Само такое явление было обусловлено нищетой, голодом, трудностями, связанными с воспитанием детей, низкими экономическими и политическими возможностями.

Дети издавна приносились в жертву богам и духам. Э.Б. Тайлор выделяет такие жертвоприношения, в которых их ценность для жертвователя значительно превосходит предполагаемую ценность для божества. Наиболее поразительные случаи подобного рода, встречающиеся у народов, сравнительно культурных, мы находим, как пишет Э.Б. Тайлор, в истории человеческих жертвоприношений у семитских народов. Царь моавитян, увидев, что победа склоняется не на его сторону, принес в жертву на городской сте-

не своего старшего сына. Финикийцы приносили в жертву (с целью умиловления богов) своих самых любимых детей. Они увеличивали ценность жертвы тем, что выбирали ее из благородных семейств, полагая, что угодность жертвы измеряется тяжестью потери. Это убеждение было настолько сильно, что ежегодную праздничную жертву составляли только единственные дети. Гелиогабал перенес этот ужасный азиатский обычай в Италию, избирая жертвы своему солнечному божеству из мальчиков самых благородных семейств страны. Карфагеняне, потерпевшие в Пуническую войну неудачу и теснимые Агафоклом, приписали свое поражение гневу богов. В прежние времена их Кронос получал в жертву избранных детей своего народа, но впоследствии они стали для этой цели покупать и выкармливать чужих детей. Карфагеняне подчинялись естественному стремлению жертводателя к замещению дорогих жертв, но теперь, в годину бедствий, наступила реакция. Решено было устроить чудовищное жертвоприношение, чтобы уровнять счет и компенсировать подставные жертвы. Двести детей из благороднейших семейств страны были принесены в жертву идолу. Их сбрасывали на медную статую Кроноса с руками, наклоненными таким образом, что ребенок, положенный на них, скатывался в яму, наполненную огнем⁷. Со временем детям, как и взрослым, стали находить замену. Вместо девушки приносили в жертву лань Артемиде, вместо мальчика - Дионису козу⁸.

Библейский патриарх Авраам был готов принести в жертву богу своего единственного сына Исаака. Этот библейский эпизод получил громадный резонанс в христианской культуре, к нему многократно обращались художники, писатели, философы и богословы. Однако никуда не уйти от того факта, что Авраам готовил жестокое убийство своего сына, хотя бог и предотвратил его. Вот как об этом сказано в Библии: «и пришли на место, о котором сказал ему Бог, и устроил там жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Бытие, 22:9,10).

Таким образом, религия в прошлом допускала возможность уничтожения ребенка в своих высших целях - для подтверждения верности богу.

В истории имеются и упоминания об убийствах детей, но уже с точки зрения наказуемости за совершение деяния. В качестве примера можно назвать образ мифологической Медеи, который был воссоздан Еврипидом и Сенекой, отражен в поэзии Брюсова, послужил темой для нескольких опер и балетов, а также картин.

Миф о Медее связан со сказанием о походе

аргонавтов. Когда они во главе с Ясоном прибыли в Колхиду, покровительствовавшие им боги внушили Медее страстную любовь к Ясону. За обещание жениться на ней она помогла Ясону преодолеть испытания, которым его подверг Ээт, отец Медеи, и завладеть золотым руном. Вместе с Ясоном она бежала из Колхиды. Когда же Ясон задумал жениться на дочери царя Коринфа Главке, Медея убила обоих своих детей, рожденных от Ясона, и улетела на колеснице, запряженной крылатыми конями.

Такова легенда. В современной психологии существует термин «синдром Медеи», удачно характеризующий мстительную женщину, которая, будучи обманутой и брошенной мужем, идет на крайности из мести. Миф о Медее представляет метафору, описывающую способность женщины ставить свою зависимость от мужчины во главу угла и ее способность к мести, когда она обнаруживает, что эта зависимость, составляющая ядро ее жизни, утрачивается, а главное, ничего не стоит в его глазах. Медея поступила чудовищно, однако она была жертвой своей непреодолимой любви к Ясону.

В то время как некоторые женщины могут впасть в депрессию и даже пытаться покончить с собой после того, как их отвергли и бросили, Медея составила план мести и осуществила его. Взаимоотношения с Ясоном были сердцевинной ее жизни. Все, что она делала, было следствием любви к нему или потери его, т.е. зависимостью от него, Медея была захвачена, одержима и побуждаема безумием своей потребности быть с Ясоном. Ее патология шла от интенсивной ревности, ставшей разрушительной. Хотя буквально миф о Медее воспроизводится, к счастью, очень редко, на метафорическом уровне такие переживания, безусловно, всеобщие. Когда женщина соединяется с мужчиной, инстинкт быть супругой и страсть к нему заставляют ее ставить их отношения превыше всего. Она бросит свою родительскую семью, изменит ее ценностям и «уничтожит» семейные узы, если будет необходимо. Многие женщины, подобно Медее, верят в брачные обещания вечной верности и приносят огромные жертвы ради своего мужчины, но иногда бывают брошены честолюбивыми Ясонами.

Когда пара переживает подобную драму, женщина не может в буквальном смысле сжечь и разорвать соперницу, ради которой мужчина оставляет ее, но часто воображает или пытается осуществить эмоциональный эквивалент мести. Например, «Медея» может стараться разрушить репутацию другой женщины с помощью лжи и клеветы или даже буквально навредить той. И если - снова соответствие мифу о Медее и Ясоне

- ее мстительность больше, чем любовь к детям и забота о них, она может попытаться расстроить их взаимоотношения с отцом. Она может сделать так, чтобы он не смог их видеть. Или превратит его встречи с детьми в настолько травматические события, что он откажется от своих усилий общаться с ними и останется их отцом. Заметим, что, как и соответствует агрессии ревности в ее наиболее разрушительном аспекте, Медея не убила Ясона. Ожесточенная, брошенная женщина также скорее мстит другим, чем мужчине, который оставил ее, но которого она любит. Особый ущерб она наносит его детям - убивает их.

Она их ощущает, точнее, предоощует психологическим продолжением любимого человека. Поэтому, убивая детей, она как бы убивает и его.

В современной жизни тоже можно встретить «синдром Медеи». Так, в 2012 г. 35-летняя ранее пять раз судимая жительница Первоуральска привела своего трехлетнего ребенка в пустующий дом, где путем удушения ремнем убила его. После этого сокрыла тело ребенка в погребе того же дома. Мотивом совершения преступления явилось ее желание отомстить своему мужу, с которым за несколько дней до этого она сильно поссорилась. Убитый мальчик был их совместным ребенком.

В XX в. мы находим исторические примеры жесточайшего отношения к детям, такие как убийства детей последнего русского царя, гибель детей в немецко-фашистских концентрационных лагерях, во время бомбардировок, обстрелов и в кровавых межнациональных конфликтах, бытовые убийства детей, их смерть от голода. История показывает, что соображения о гуманном отношении к ребенку никогда не останавливали убийц, зачастую дети становились жертвами умышленных преступных посягательств.

Детубийство отмечалось у современных австралийских аборигенов обычно в кризисные периоды: во время засухи или голода чаще в зоне пустынь. Более или менее широкое распространение оно получило только в тех группах аборигенов, культура которых сильно деградировала под воздействием контактов с европейцами⁹. Имеется описание практики таких убийств у австралийских курнаи: «трудно таскать с собой маленьких детей, в особенности когда их много. При их бродячей жизни это трудно. Иногда случалось, что перед рождением ребенка отец говорил своей жене: «Нам приходится таскать слишком много детей, лучше оставь этого, когда он родится, в лагере». Так, новорожденный оставался в лагере, а семья переходила в другое место. Ребенок, конечно, погибал. Курнаи считали, что у них никогда не было случая, чтобы родители собствен-

норучно убивали своих детей, а только оставляли новорожденных. Ум туземца, по-видимому, не представляет себе ужаса обречения невинного ребенка на смерть в покинутом лагере. Возможно, что чувство любви, возникающее в силу близости и зависимости, в подобном случае не успело возникнуть, и естественное родительское чувство, по-видимому, уступает место тому, что считается давлением обстоятельств»¹⁰.

Чтобы понять такое поведение, необходимо смотреть на это глазами человека той далекой эпохи, когда уничтожали тех, кто не мог принести ощутимую и немедленную помощь или был обузой (старики в том числе), что было условием выживания всех. Поступая так, племя или народ освобождалось от лишних ртов, приобретали большую мобильность, что было важно для кочевников или в случае военных действий, они также могли заслужить благоволение божества или духов.

Позднее Ницше описал в своем труде «Священная жестокость» то, как поступали с детьми, родившимися нездоровыми или уродливыми. Один священник посоветовал убивать таких младенцев, говоря о том, что будет более жестоко оставить этого ребенка жить. Подобные случаи имели место среди древних греков и соседних с ними племен, были описаны в трудах Платона и Аристотеля, Плутарха¹¹. По Плутарху, воспитательный процесс в Спарте начинался с самого рождения ребенка и, по сути, не зависел от воли отца - «он приносил его в „лесху“, место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу. Выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей кидали в „апотеты“, пропасть возле тайгета»¹².

В Африке по-прежнему остается глубокая вера в шаманов и жрецов. И в основном детей приносят в жертву своим богам. В африканских странах, как и в любой стране третьего мира, существуют острейшие проблемы нищеты, повышенная и неконтролируемая рождаемость. Там возник и процветает еще один жуткий, тесно связанный на ритуальных «обрядов жертвоприношения» вид бизнеса - торговля человеческими органами. А колдуны - иногда это самые настоящие преступники, которые выбирают детей якобы по причине «чмстоты и непорочности». Всем ясно, что самые здоровые органы - у детей, а в семьях африканских стран их не меньше десяти. После убийства, которое почти во всех случаях остается безнаказанным, органы уходят на продажу, а все, что «не пригодилось», служит дальнейшему поддержанию народных суеверий.

Подводя предварительный итог, необходимо еще раз отметить, что такое явление, как лишение жизни детей, существовало на всем протяжении развития человечества в зависимости от религиозных, культурных и географических особенностей общества. Однако лишь с осознанием социальной опасности этого явления появились правовые нормы, предусматривающие определенную ответственность. Первоочередные потребности людей заключались далеко не в продлении рода, а в самосохранении, облегчении условий жизни для себя, избавлении от различного рода помех на своем жизненном пути. Детей не всегда воспринимали как ценность, продолжение рода, а зачастую избавлялись от них, как правило, еще в малолетнем возрасте.

В России изначально правом практически не регулировались внутрисемейные отношения между родителями и детьми, это была сфера церкви. Государственные установления касались лишь имущественных отношений, связанных с наследованием и опекой. Родительская власть в течение длительного времени была абсолютной и представлялась формой права собственности. В Русской Правде за совершение убийства и разбой предусматривалось такое наказание, как выдача с женой и детьми на поток и разграбление, что предполагало также превращение в холопов жены и детей преступника¹³. И если жизнь свободной женщины защищалась правом, то о специальной защите жизни детей речи не велось, хотя, например, избавление женщины от плода приравнивалось к убийству и виновная подвергалась десятилетнему церковному отлучению¹⁴. Как отмечает А.М. Нечаева, «в период господства отцовского права дети принадлежали мужчине не потому, что он их породил, а потому, что ему принадлежала их мать»¹⁵. Отец был практически ничем не ограничен в своем отношении к ребенку, он мог продать его, убить - эти деяния были ненаказуемы.

Ослабление родительской власти происходило постепенно. Судебник 1550 г. запрещал холопам-родителям холопить своих детей, родившихся на свободе¹⁶. За родителями признавалось бесспорное право наказывать своих детей, причем в жестокой форме (в Домострое в качестве домашней меры воспитания детей рекомендовалось «биение жезлом и сокрушение ребер»¹⁷). Детям под угрозой расправы было запрещено жаловаться на своих родителей, в то время как последние могли прибегнуть к содействию публичных органов власти в случае неповиновения детей, и тогда предписывалось, не входя в суть обвинений, «бить кнутом нещадно»¹⁸.

Уложение 1649 г., не затронув абсолютизм

родительской власти, закрепило наказание, пусть и ничтожное, за убийство детей (заключение в тюрьму на один год, что для того времени было более чем мягкой санкцией). Постепенно государство все более вторгалось в сферу внутренних семейных отношений, что повлекло и определенное смягчение абсолютизма власти родителей над детьми. Во второй половине XVII в. родители могли отдавать детей в кабалу только при поступлении в кабалу их самих, а позднее - только во временное услужение.

Признание за детьми определенных личных прав связывают с реформами Петра Первого: «хотя чада воли родительской подлежат, но не как скоты бессловесные»¹⁹. В этот же период было ужесточено наказание за убийство детей. Артикул воинский в число наиболее тяжких видов убийства включал убийство отца, матери и малолетнего ребенка, эти преступления карались колесованием, но в толковании к артикулу 163 неумышленное убийство жены и ребенка в результате их наказания предписывалось рассматривать как убийство при смягчающих обстоятельствах²⁰.

В УК РСФСР 1922 и 1926 гг. квалифицирующим признаком убийства являлось совершение его с использованием беспомощного положения убитого. В УК РСФСР 1960 г. этот квалифицирующий признак не был предусмотрен, а детоубийство квалифицировалось как «простое» убийство. Однако проблемы при квалификации действий виновного, совершившего убийство ребенка, все же возникали и решались по-разному. Убийство не своего ребенка оценивалось однозначно - из хулиганских побуждений - ввиду отсутствия каких-либо отношений между виновным и потерпевшим, даже если последний давал повод для возникновения неприязни к нему. Труднее решался вопрос о квалификации убийства ребенка, с которым виновный проживал в семье. Так, в одной семье проживали шестимесячный мальчик, его отчим и мать. Вечером после употребления спиртного мать ребенка спала. Когда ребенок стал плакать, отчим взял его за ногу, ударил головой о батарею, чем причинил смерть. Органы предварительного следствия квалифицировали его действия по ст. 103 УК РСФСР (умышленное убийство), указав на наличие неприязни к ребенку в ответ на его плач. Суд не согласился с этим и направил дело на доследование для вменения признака - "из хулиганских побуждений", поскольку виновный руководствовался мотивом, явно не соответствующим незначительному поводу²¹. Возможно, для самого виновного неприязнь к ребенку накапливалась в течение некоторого времени и состояние опьянения повлияло

на уровень агрессии и жестокости его действий в тот момент.

В действующем УК проблема защиты права на жизнь детей, в том числе и в семье, решается более определенно. В качестве отягчающего обстоятельства в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ введено убийство малолетнего. В приговоре по соответствующим делам не должно быть указано на его беспомощное состояние, поскольку все малолетние беспомощны. Указание в п. «в» ч. 2 ст. 105 на беспомощное состояние относится не к малолетнему, а к «иному лицу». Так, Верховный Суд Карелии в 2011 г. рассмотрел уголовное дело в отношении Старкова, который 30 июля 2009 г. в состоянии алкогольного опьянения, находясь в своей квартире, на почве личных неприязненных отношений к А., возникших в результате ссоры с ней, сдавил рукой шею их совместной дочери в возрасте 1 года и убил ее.

Суд правильно квалифицировал действия Старкова по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не упомянув при этом, что жертва заведомо для виновного находилась в беспомощном состоянии, как об излишнем, поскольку нахождение потерпевшей в столь малолетнем возрасте изначально свидетельствует о ее неспособности в силу этого оказать активное сопротивление виновному.

При квалификации действий Старкова суд исходил из того, что он действовал с прямым умыслом на убийство ребенка, осознавал общественную опасность своих действий, предвидел неизбежность наступления смерти девочки и желал этого.

Мотивом убийства дочери явилось то, что он воспринимал ее как психологическое продолжение ее матери, с которой у него были личные неприязненные отношения, поэтому он причинил ей столь значительный ущерб.

Таким образом, мы видим, что суд, правильно квалифицируя действия детоубийцы, исходит из того, что малолетний априори является лицом, находящимся заведомо для виновного в беспомощном состоянии. Вообще относительно убийств детей в семьях совершенно очевидно, что всегда возраст ребенка преступникам известен. Уязвимость и зависимость детей от взрослых тем больше, чем меньше возраст ребенка. Часто родители наносят детям телесные повреждения, когда теряют контроль над своим поведением, что может быть связано с бурными эмоциональными переживаниями или с алкогольным опьянением. Отмеченные обстоятельства обуславливают широкую распространенность физического насилия над детьми. Несмотря на то, что случаи физического насилия имеют место во всех слоях общества, чаще они выявляются в семьях с

низким доходом или находящихся в социальной изоляции. Низкий образовательный уровень родителей, занятие неквалифицированным трудом, отсутствие работы, привлечение в прошлом за совершение преступлений, связанных с применением насилия, существенно повышают риск физического насилия над ребенком. Еще одним значимым фактором риска физического насилия является многодетность. Значительно повышает риск физического насилия для ребенка применение родителями в прошлом насилия по отношению к его старшим братьям или сестрам²².

Поскольку нет официальных данных, касающихся количества жертв преступлений интересующей нас категории, а также статистических данных об убийствах детей в возрасте от 1 месяца до 14 лет, мы провели выборочное исследование убийств детей в настоящее время. Анализу подлежали материалы 300 уголовных дел о совершении убийств детей на территории Российской Федерации в период с 2002 по 2012 г. В целях наиболее полного изучения личностных характеристик убийц детей были проанализированы и обобщены данные, содержащиеся не только в приговорах, но и в заключениях судебно-психиатрических экспертиз, проведенных по конкретным уголовным делам интересующей нас категории. Также были использованы базы данных сайта «Российское правосудие»²³, который содержит в себе базу данных решений судов по делам различных категорий, и иные источники.

По официальным данным, в России в 2011 г. число несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств, составило 93 241 человек²⁴. Среди них потерпевших от преступлений против жизни и здоровья (убийства, покушения на убийства, убийства, сопряженные с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) - 29 543 человека²⁵. Из них несовершеннолетние, признанные потерпевшими по убийствам и покушениям на убийство в 2009 г., составили 563 человека²⁶, в 2010 г. - 575²⁷, в 2011 г. - 531²⁸, в 2012 г. - 558²⁹. Таким образом, мы видим, что в 2011 г. несовершеннолетних, признанных потерпевшими, меньше, чем в остальные годы. Но в 2012 г. снова наблюдается увеличение таких жертв (558). Это может быть обусловлено в том числе и изменением качественных характеристик преступлений данного вида и средств совершения преступления. Слабость, незащищенность делают потерпевшего более доступным объектом преступления, что порождает стремление законодателя более тщательно охранять интересы таких лиц³⁰. Дети страдают от жестокости роди-

телей и лиц, их заменяющих (особенно отчимов), от других родственников, соседей, старших по возрасту, от «случайных» преступников и даже от своих воспитателей. Психическое и физическое насилие, унижение человеческого достоинства встречаются везде: дома, в школе, в детском саду, в местах проведения досуга, на улице. При этом неизвестно, сколько в числе пострадавших от преступлений детей малолетних, так как учет возраста в статистической отчетности не ведется. Дети становятся жертвами преступлений в силу возраста, своей доверчивости, восприимчивости и просто боязни незнакомого человека или грозного родственника, неспособности противостоять преступнику.

Виновные в убийствах детей обладают некоторыми общими чертами, которые необходимо проанализировать в первую очередь. Для проведения подобного анализа мы будем использовать результаты исследования уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. убийств малолетних, по критериям, касающимся личности и преступного поведения детоубийц.

Подавляющее большинство убийц детей составляют мужчины (69%), но в рассматриваемой категории дел свою активность проявляли и женщины (31%). Таким образом, агрессия среди лиц мужского и женского пола по отношению к детям высока и вероятность того, что ребенок может пострадать и нуждается в защите, не требует доказательств.

По возрастным критериям убийц детей мы разделили на шесть групп: до 18 лет; от 19 до 20; от 21 до 25; от 26 до 30; от 31 до 40; от 41 до 50; старше 50 лет. Результаты были следующими: в группе до 18 лет - 6,4%; от 19 до 20 - 9%; от 21 до 25 - 18%; от 26 до 30 - 26,2%; от 31 до 40 - 25%; от 41 до 50 - 11,1 %; старше 50 лет - 4,3%.

Итак, по представленным данным, большую часть убийц детей составляет категория лиц от 21 до 40 лет. В принципе эти показатели не являются новыми для исследователей. Известно, что самые тяжкие преступления «должны» совершать лица, чей возраст больше связан с высокой социальной активностью, с накоплением тяжелых переживаний и аффективных состояний, с ростом тревоги за себя. Данное утверждение абсолютно не отрицает и то, что человек в таком возрасте способен совершать и диаметрально противоположные поступки, в том числе и вполне социально приемлемые. В этом возрасте выясняется, как и в какой мере человек может управлять своим поведением, инстинктами, увлечениями и страстями, насколько он усвоил социальные и нравственные нормы, стали ли они регуляторами его поведения. Зачастую поведение лиц, совер-

шивших убийство, также может быть обусловлено желанием утвердить себя в глазах своей референтной группы, продемонстрировать свою «силу» и «смелость», испытать свои возможности, особенно если само преступление совершается не в одиночку.

Поэтому есть все основания полагать, что у лиц данной возрастной категории период наибольшей социальной активности связан со временем наибольшего накопления внутриличностных и межличностных конфликтов. Из-за неотделимости этих конфликтов друг от друга со временем они могут нарастать, обостряться и отрицательно сказываться на личности и ее поведении, что зачастую приводит к проявлению агрессии, преступной жестокости, вплоть до убийства самых незащищенных - детей.

По сравнению с другими категориями преступников убийцы детей имеют низкий уровень образования. По результатам нашего исследования выяснилось, что 48% из них имеют среднее или среднее специальное образование, 30% - неполное среднее. Интересен тот факт, что около 5% - лица, имеющие высшее образование.

Патологии негативно влияют на психику людей, и убийцы детей здесь не исключение. Среди них доля неработающих и лиц, занимающихся малоквалифицированными видами труда, составляет 50%, при том что по 29% дел не имелось сведений о трудовой занятости виновных.

Что касается такого критерия, как служба в армии, к которому имеют отношение лица мужского пола, то надо сказать, что из них 21,7% были демобилизованы на общих основаниях, а 10,5% не служили в связи с судимостью. Ранее судимых из числа детоубийц было 19%, несудимых - 81%.

Мы затрагивали вопрос о количестве привлечений ранее судимых лиц, совершивших преступления рассматриваемой категории, к уголовной ответственности. Результаты были следующими: 1 раз привлекался 31% ранее судимых; 2 - 31%; 3 - 16,3%; свыше 3 раз - 21,7%. Это лишний раз подтверждает тот факт, что агрессия по отношению к детям, вплоть до их убийства, может проявиться у лиц, ранее и не склонных к насилию, и, как правило, ранее осужденных за преступления небольшой и (или) средней тяжести.

Что касается семейного положения, то 41,6% детоубийц холосты (не замужем), 29% - женаты (замужем), 15% - живут в незарегистрированном браке, 11,8% - разведены, 2,6% - вдовцы (вдовы).

Таким образом, проблемы, связанные с внутрисемейными отношениями, тесно связаны с психологическим состоянием общества, и рост преступности является следствием в том числе

нестабильности и большого диапазона проблем института семьи в нашей стране. Если говорить о наличии детей, то среди детоубийц лиц, не имеющих детей, - 44,6%; лиц, имеющих одного ребенка, - 37,8%; двоих детей - 9,4%; троих и более - 3,7%; имеющих приемных детей - 4,5%.

Таким образом, мы видим, что детоубийц больше среди тех, кто сам не имел детей, но, тем не менее, факты таких преступлений широко распространены и среди лиц, имеющих одного ребенка, который и становится их жертвой.

Относительно того факта, кем приходился преступник жертве, было выявлено следующее: посторонний - 26,8%; мать - 22%; отец - 19%; отчим - 6%; бабушка, дед, дядя, тетя - 5,6%; мачеха - 1,5%; брат - 1%; сестра - 0,3%. Можно заключить, что большое количество преступлений рассматриваемой категории совершается близкими родственниками ребенка или опекунами. Данный вывод свидетельствует о достаточно сложной ситуации в семьях, беззащитности детей перед своими же родителями и прямо указывает на необходимость разработки мер по предупреждению убийств детей как в семейной, так и во вне-семейной сферах.

Среди убийц детей распространено употребление спиртных напитков: 58% из них делают это часто, 20% - очень часто; 14,3% - редко; 7% - очень редко; только 0,3% таких лиц вообще не употребляют алкогольные напитки. При этом на момент совершения преступления в нетрезвом состоянии находилось 80% виновных. Эти данные подтверждают общие выводы о криминальной значимости алкоголизации и наркотизации населения в России. Большая часть из числа детоубийц страдают хроническим алкоголизмом, около 20% обнаруживают органические поражения центральной нервной системы. Многие отклонения приобретены еще в раннем детстве либо переданы по наследству. Поэтому и меры по их предупреждению должны проводиться в первую очередь в отношении детей и подростков на стадии формирования личности и выражаться в предотвращении развития таких особенностей человека, которые обуславливают проявление в последующем антиобщественных действий³¹.

¹ Бояров С. Квалификация убийства детей // Российская юстиция. 2002. № 12.

² Доронина Е.Б. Беспомощное состояние потерпевшего

в структуре состава убийства: теория, закон и практика: Дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2004. С. 57.

³ Комментарий к УК РФ / Под ред. М.В. Лебедева. - М.: Норма, 2004. С. 296.

⁴ Свечникова А.С. Феномен насилия над детьми в семье // Вестник Волгоградского государственного университета Сер. 9: Исследования молодых ученых. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2008. № 7. С. 15.

⁵ Гернет М.Н. Детоубийство. - М., 1911.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - М., 1989. С. 478, 480.

⁸ Там же. С. 469, 480-481.

⁹ Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. - М., 1981. С. 107.

¹⁰ Морган Л.Г. Древнее общество. - Л., 1934. С. 388

¹¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Пер. из Вестника древней истории. - М., 1963-1969. С. 9.

¹² Там же. С. 280.

¹³ Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX в.: В 9 т. / Под общ. ред. проф. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. - М., 1984. С. 65.

¹⁴ Устав Владимира Святославича. Синодальная редакция // Российское законодательство X-XX в. - М., 1984. Т. 1. С. 161.

¹⁵ Нечаева А.М. Ребенок и общество // Право и политика. 2002. №4. С. 127.

веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М. 1984-1985. С. 161.

¹⁷ Загорский А.И. Курс семейного права. - М., 2003. С. 212.

тельство X-XX веков. Т. 3: Акты земских соборов. - М., 1985. С. 248.

¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. - Тула, 2001. С. 570-571.

²⁰ Артикул воинский // Российское законодательство X-XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. - М., 1986. С. 383.

²¹ Бояров С. Указ. соч.

²² Свечникова А.С. Указ. соч.

²³ URL: <http://rospravosudie.com/>

²⁴ Состояние преступности в России за 2011 г. - М., 2012.

²⁵ Там же.

²⁶ Состояние преступности в России за 2009 г. - М., 2010

²⁷ Состояние преступности в России за 2010 г. - М., 2011.

²⁸ Состояние преступности в России за 2011 г. - М., 2012.

²⁹ Состояние преступности в России за 2012г. - М., 2013.

³⁰ Маляева Е.О. Преступления против жизни: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Монография. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 156.

³¹ Казакова В.А., Шульга В.И. Некоторые региональные характеристики умышленных убийств // Современная преступность: новые исследования: Сборник научных трудов НИИ МВД России. - М., 1993. С. 134.